

M. COHEN, L'écriture, Paris, 1953, 124 стр.

За последние десятилетия исследование истории письма обогатилось значительными открытиями. Достаточно указать частичную расшифровку критско-минойской письменности, протоиндийской письменности Мохенджо Даро и Хараппы, угаритского алфавитно-звукового письма, протофиникийских надписей из Библоса. Открытия эти дали материал и для решения вопроса о генетических связях различных систем письма, например, о происхождении финикийского алфавита. По-новому ставятся сейчас в науке о письме и многие теоретические вопросы — классификация и определение типов письма, отношение письма к языку и истории общества, вопрос о роли влияний в истории письма и др. Все это вызвало появление за истекшие пятнадцать-двадцать лет ряда обобщающих работ по истории письма¹.

Рецензируемая книга представляет особый интерес и как последнее новейшее исследование в этой области, и потому, что автором ее является известный прогрессивный французский ученый, один из видных деятелей движения сторонников мира.

Первый вопрос, возникающий перед каждым автором истории письма, — вопрос об основном принципе построения этой истории. Теоретически здесь возможны три принципа: чисто хронологический (в соответствии с датами возникновения различных систем письма), географически-генеалогический (по географическим районам и генеалогическим связям систем письма) и генетический (от систем письма менее совершенного к системам более совершенного типа). М. Коэн считает хронологический принцип неприемлемым, так как письмо, в особенности на ранних его этапах, развивалось не единым потоком, а многими параллельными струями, причем системы письма более архаического типа нередко возникали позже систем более совершенного типа (стр. 15); в связи с этим при хронологическом принципе было бы трудно выявить общесторические закономерности развития письма. Непригоден в качестве основного и географически-генеалогический принцип, так как он приводит к подмене общеисторических закономерностей развития письма в значительной мере случайными влияниями и заимствованиями. В качестве основного М. Коэн правильно избирает принцип генетический.

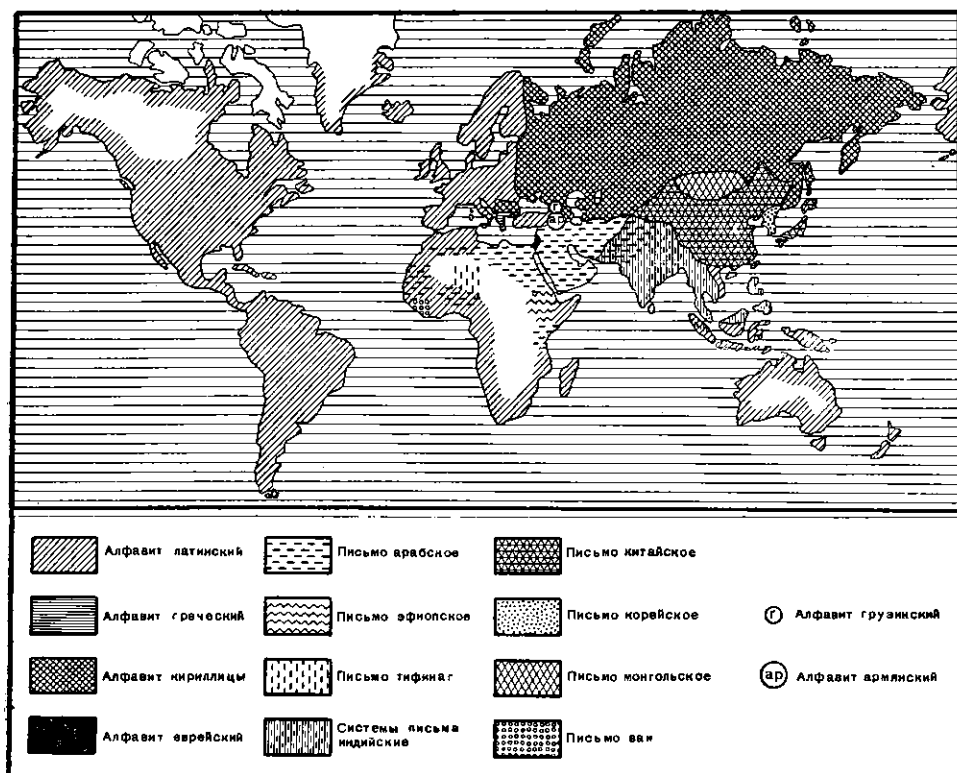
Согласно М. Коэну, история письма должна излагаться начиная от письменных систем наиболее рудиментарного типа и постепенно переходя к системам, все более и более развитым, «независимо от места и времени их возникновения» (стр. 15).

Однако при таком принципе построения сразу же возникает вопрос о подразделении систем письма на основные исторические типы. М. Коэн использует обычную, четырехчленную классификацию типов письма, а именно: 1) пиктография, 2) идеография, 3) слоговое и 4) алфавитно-звуковое письмо, с подразделением последнего на консонантно-звуковое и вокализованно-звуковое. Такая классификация является достаточно проверенной и устоявшейся. Сложнее обстоит дело с определением этих типов письма, в особенности же пиктографии и идеографии.

Вызывает возражение определение М. Коэном пиктографии. Согласно М. Коэну, пиктограммы — это рисунки, используемые, «кроме их орнаментального, эстетического интереса, также для целей интеллектуальных» (стр. 16). Определение это неточно в двух отношениях. Во-первых, различие между художественным и пиктографическим рисунками нельзя сводить к противопоставлению «эстетического» и «интеллектуального», так как эстетическое восприятие почти всегда включает и «интеллектуальные» элементы; рисунки — произведения искусства отличаются от пиктографических рисунков тем, что первые служат для художественно-образного познания мира, а вторые — для передачи каких-либо сообщений. Во-вторых, по-

¹ H. Jensen, *Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart*, 1935; D. Diringer, *The Alphabet, A key to the history of mankind*, 1948; J. Gelb, *A study of writing*, 1952; Ч. Локотка, *Vývoj písma*, Praha, 1946; Ч. Локотка, *Развитие письма*, М., 1950; J. F é v r i e r, *Histoire de l'écriture*, 1948.

скольку письмо воспроизводит речь, постольку при определении типа письма надлежит исходить не из формы письменных знаков, а из их значения, из того, какие элементы речи (целые сообщения, отдельные слова, слоги или звуки) передаются этими знаками; в частности, важнейшим отличием пиктографии от других типов письма следует считать не картинную форму пиктограмм, а то, что пиктограммы обычно передают целые сообщения, графически почти не расчлененные на отдельные слова.

Тифинаг — консонанто-звуковая система письма, применяемая племенами туарегов в центральной Сахаре и, видимо, ведущая свое происхождение от древнего ливийского (нумидийского) письма. Вай — оригинальная слоговая система письма, применяемая племенами Вай в Либерии

Согласно М. Коэну, пиктография относится не к письму, а к предписьменной стадии, так как здесь еще нет точной передачи речи и пиктограммы могут быть поняты даже людьми, говорящими на разных языках (стр. 16). Положение это спорно, так как пиктография совпадает с письмом и по ее назначению (служит для передачи и закрепления речи) и по используемым средствам (графическим). Что же касается того, что пиктография еще очень неточно отражает язык (передает только смысловое содержание речи, но не отражает ни ее звуковой стороны, ни членения ее на слова, ни порядка слов в речи), то это вполне объясняется тем, что пиктография представляет собой самый зачаточный, начальный тип письма. Сам М. Коэн неоднократно указывает, что развитие письма шло в направлении все более и более точной передачи языка (стр. 68).

Правильно определяет М. Коэн идеографию. Исходя из буквального значения этого термина (*idea* — идея, понятие) и следуя установившейся традиции, идеографию обычно считают письмом, знаки которого «обозначают понятия, независимо от того, как называются эти понятия»¹. Такое определение, однако, страдает двумя недостат-

¹ См. например, А. Ч и к о б а в а, Введение в языкознание, М., 1952, стр. 175.

ками. Во-первых, оно предполагает возможность непосредственной связи между письмом и мышлением (понятием) независимо от языка, и возможность мышления без языка. Правда, одна и та же идеограмма (например, цифра «4») может обозначать в разных языках слова, хотя и одинакового значения, но разного звучания; однако в пределах каждого данного языка идеограмма всегда связана с определенным словом этого языка. Так, идеограмма «4» для русского обозначает слово «четыре», для француза — «катр», для немца — «фир» и т. д. Во-вторых, наряду с идеограммами, связанными со значением слова, существуют идеографические знаки, связанные со звучанием слова, например китайские «фонетические иероглифы». Согласно М. Коэну, идеография — это письмо, знаки которого передают целые слова, причем знаки эти подразделяются на две категории: «идеограммы» в узком смысле этого термина и «фоно-идеограммы», связанные со звучанием слова и возникающие путем использования омонимии, например использование в египетском письме иероглифа «жук» — *h* — *p* — *g*, для обозначения одинаково с ним звучащего глагола «быть» (стр. 19, 23).

Такое понимание терминов «пиктография» и «идеография» противоречит буквальному их значению. М. Коэн, видимо, чувствует это и в случаях необходимости точной характеристики письменного знака использует составные термины, например «пикто-фоно-идеограмма», т. е. знак картинный по форме *пикто*, обозначающий целое слово *идео*, но со стороны его звучания *фоно* (стр. 23). Видимо, назрела необходимость пересмотра наименований основных типов письма. Так, «пиктографию» как тип письма многие современные авторы (Г. Иенсен, Ж. Феврие и др.) называют «синтетическим» письмом (т. е. графически не расчлененным на отдельные слова), сохраняя термин «пиктографический» только для обозначения картинной формы знаков. Вместо термина «идеография» теми же авторами нередко применяются термины «письмо слов», или «логография». Последний термин, как нам кажется, следовало бы ввести в науку о письме с подразделением логограмм (знаков, обозначающих целые слова) на идеограммы (связанные со значением слова) и фонограммы (связанные со звучанием слова).

Следующий принципиальный вопрос, стоящий перед историком письма, — это вопрос о том, какими факторами определяется развитие письма. К этим факторам М. Коэн относит особенности языка, влияния предшествующих систем письма, общественные потребности в письме, роль общественных групп, влияние применяемых материалов и орудий письма (стр. 8).

Нам представляется этот перечень факторов в основном правильным, однако со следующими оговорками.

Давая перечень этих факторов, М. Коэн не выделяет среди них важнейших и вообще не дает характеристики роли и значения каждого из них. Между тем и их значение и их роль в развитии письма очень различны.

Так, совершенно особое место среди этих факторов занимают «общественные потребности в письме». В то время как все остальные факторы предопределяют своеобразные особенности систем письма отдельных народов, развитие общественной потребности в письме, будучи тесно связано с развитием всего общества, обуславливает общен исторические закономерности развития письма. Например, возникновение зачаточного пиктографического письма было обусловлено превращением первоначально небольших и разрозненных семейно-родовых групп в более крупные и долговечные родо-племенные общины, а также возникновением более или менее постоянных связей между этими общинами, что создало основу для появления потребности в передаче речи на большие расстояния и в закреплении ее во времени. В свою очередь, переход от случайных пиктографических записей к древнейшим идеографическим системам был вызван образованием государства и развитием торговли¹.

¹ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952 стр. 26—27.

Соответственно переход от сложных идеографических систем к более простым и общедоступным слоговым и звуковым системам был обусловлен дальнейшим развитием общественной потребности в письме, в частности, дальнейшим расширением областей применения письма и круга людей, пользующихся письмом.

Необходимо отметить, что хотя развитие общественных потребностей в письме в наибольшей мере предопределяло общенсторические закономерности развития письма, однако исходить только из этого фактора при построении истории письма было бы принципиально неправильным: это сделало бы непонятными своеобразные пути развития систем письма отдельных народов. Такой односторонний подход к истории письма был характерен для школы Н. Я. Марра и был связан с неправильным взглядом на письмо как на явление надстроечного порядка¹.

При построении истории письма, наряду с развитием общественных потребностей в письме, должны внимательно учитываться также особенности языков различных народов, пользовавшихся письмом, так как письмо, являясь графическим закреплением языка, всегда в большей или меньшей мере отражает особенности того или иного языка. Значение этого фактора настолько велико, что некоторые авторы даже считают письмо чисто лингвистической дисциплиной. Такой взгляд, конечно, тоже неверен, так как письмо, отражая язык, в то же время непосредственно связано с развитием всего общества; кроме того, оно является своеобразной техникой, а поэтому сравнительно легко поддается заимствованиям; наконец, письмо пользуется совершенно иными, чем язык, графическими средствами, требующими особого метода изучения.

Большую роль в истории письма, кроме самого раннего и самого последнего ее этапов, играли также воздействия одних систем письма на другие. Без значительных воздействий извне возникали только различные разновидности пиктографического письма, да несколько идеографических систем (шумерская, египетская, китайская и др.) древнейших народов мира, которые в силу особых исторических условий в течение ряда веков превосходили своих соседей в общественно-культурном развитии. Иначе протекало развитие письма в более позднее время, у народов, соседи которых уже имели более совершенные и развитые письменные системы. Под воздействием этих систем естественный путь развития письма обычно ускорялся, но иногда и искажался: в случае механического ее заимствования система письма вступала в противоречие с народным языком. В еще более позднюю эпоху, в эпоху формирования наций, роль заимствований в истории письма сильно сокращается, происходит очищение систем письма от чужеродных для данного языка элементов, приспособление письма к национальному языку. Роль влияний и заимствований в истории письма некоторыми авторами тоже сильно преувеличивалась. В связи с этим история письма утрачивала свой закономерный характер, превращаясь в собрание случайных родословных таблиц².

Меньшую роль в истории письма играли влияния различных общественных групп. Влияния эти объяснялись тем, что потребность в письме, в отличие от языка, становится действительно необходимой лишь на сравнительно высокой ступени общественного развития, а культурное развитие угнетенных классов и зависимых народностей нередко сознательно тормозилось. Кроме того, обучение письму проводится обычно в организованном школьном порядке и требует затраты времени и средств, а это не всегда доступно представителям угнетенных классов. Отражалась на развитии письма также и государственная его регламентация.

Особое место среди перечисленных М. Коэном факторов занимают материалы для письма. В то время как все остальные факторы обуславливают и тип письма, и состав, и значение письменных знаков, материалы для письма влияли только на форму знаков. Так, например, применение народами Передней Азии в качестве материала для

¹ См. Н. Я. Марр, *Язык и письмо*, Изв. ГАИМК, т. VI (1930), вып. VI; см. также И. И. Мещанинов, *К вопросу о стадийности в письме и языке*, Изв. ГАИМК, т. VII, (1931), вып. V—VI.

² См., например, книгу Ч. Локотка, *Развитие письма*, М., 1950.

письма плиток из мягкой глины обусловило почти одинаковую, клинообразную, графическую форму письменных знаков. Однако по своему типу, по составу и значению знаков различные системы клинописи принципиально отличались друг от друга.

Не упоминается М. Коэн в перечне факторов, определяющих особенности отдельных систем письма, различное у разных народов содержание первоначальной письменности. Этот фактор не отмечался до сих пор и другими историками письма. Между тем именно этот фактор, в частности, обусловил различный характер древнейшего египетского и шумерского письма.

Древнейшие памятники египетского письма (надписи фараона Нармера, «царя» Скорпиона и др.) показывают это письмо как в основном пиктографическое (рисунки, передающие целые сообщения и графически почти не расчлененные на отдельные слова). В то же время в этих памятниках уже встречаются не только чисто идеографические знаки (например, цифровые), но и фонетические (например, фонограмма имени «царя» Скорпиона, название страны, завоеванной Нармером, и др.). Такое сравнительно раннее появление в египетском письме фонетических элементов было обусловлено преобладанием в древнеегипетской письменности надписей общественно-мемориального и погребально-культового характера, в которых встречалось очень много собственных имен; передача их могла быть достигнута только при применении фонетических знаков.

В отличие от египетских, древнейшие дошедшие до нас памятники шумерского письма (слои Урук IV и Урук V) показывают это письмо как в основном идеографическое: знаки его представляют собой раздельно начертанные, графически не связанные друг с другом изображения, каждое из которых, как правило, обозначает отдельное слово. Сравнительно более раннее выделение идеографических знаков из первоначальной пиктографии, видимо, было обусловлено иным содержанием древнейших шумерских надписей. Почти все эти надписи имеют учетно-хозяйственный характер и обычно строятся по схеме: числительное плюс обозначение предмета учета¹. Такая схема очень облегчала распадение пиктографического рисунка на отдельные идеограммы. Древнейшее дошедшее до нас шумерское письмо отличалось от древнеегипетского также отсутствием в нем фонетических знаков. Это тоже было обусловлено иным по сравнению с Египтом содержанием древнейших шумерских надписей. В них, в связи с их учетно-хозяйственным характером, собственные имена почти не встречались.

Будучи лингвистом, М. Коэн и историю письма рассматривает преимущественно в плане лингвистическом.

Так, определяя основную линию развития письма, М. Коэн указывает, что письмо исторически развивалось в сторону все более точной передачи языка, причем это развитие осуществлялось путем членения речи на все более простейшие ее элементы. «Вначале, — пишет М. Коэн, — изображение не воспроизводило языка с его словами и звуками, но только содержание речи, так сказать, конкретные сообщения. Анализ элементов рассказа, разделенного на фразы, позволил путем последовательных усилий мышления воспроизводить слова, затем элементы слов; так перешли от рисунков, которые были „историями без слов“, к небольшому числу букв, комбинации которых обозначали произносимые слова и вызывали их в сознании читателя» (стр. 7).

Такая характеристика основной линии развития письма требует некоторых оговорок.

Во-первых, наряду и в связи с основной линией развития (переход ко все более и более точной передаче речи путем деления ее на все более мелкие элементы) письмо исторически развивалось как в направлении большего его упрощения, так и большей его систематизации. При этом на одних этапах развития письма, например при переходе от пиктографии к идеографии (в связи с зарождением государства и развитием торговли), все более настоятельной становилась потребность в системати-

¹ См. И. М. Дьяконов, К возникновению письма в Двуречье, «Труды Отдела культуры и искусства Востока», т. III, 1940, стр. 37—38.

зации письма. На других этапах, например, при переходе от идеографии к слоговому и буквенно-звуковому письму (в связи с дальнейшим расширением областей применения письма и круга людей, пользующихся письмом), наиболее настоятельной становилась потребность в упрощении письма. Об исторической тенденции к упрощению письма М. Коэн упоминает, о тенденции же письма к систематизации почти ничего не говорит (стр. 68).

Во-вторых, постепенное развитие письма в сторону обозначения письменными знаками все более и более простейших элементов речи должно пониматься лишь как общесторонняя закономерность. Развитие же систем письма отдельных народов может идти и иными, иногда очень своеобразными путями, причем эти своеобразные пути могут оказаться даже наилучшими для данного языка. Поэтому степень членения речи на элементы при передаче ее письменными знаками, конечно, нельзя считать абсолютной мерой прогрессивности или отсталости различных систем письма. В частности, нельзя считать, как это делает М. Коэн, слоговые системы письма более отсталыми по сравнению с буквенно-звуковыми, а идеографические — более отсталыми по сравнению со слоговыми и звуковыми. Письменная система любого из этих типов может быть в какой-то мере рациональной, если она соответствует особенностям языка и условиям ее применения и если в своем развитии она достигла достаточного совершенства.

Так, например, слоговое письмо, видимо, является целесообразным для Японии в связи с очень простым слоговым составом японского языка, позволяющим обходиться малым количеством слоговых знаков (в настоящее время — 45 знаков). Наоборот, для Кореи слоговое письмо, видимо, менее целесообразно, так как в современных корейских печатных прифтах приходится применять многие сотни лигатурных слоговых знаков.

Аналогично этому должна расцениваться и современная китайская идеографическая система письма. Отличаясь очень большой сложностью, затрудняющей обучение грамоте, эта система письма в то же время соответствует особенностям китайского языка (в основном корнеизолирующий его строй, большое количество омонимических слов, наличие сильно различающихся между собой диалектов и т. д.). Кроме того, в своем историческом развитии китайская система письма, несмотря на идеографический ее характер, достигла такой систематичности и совершенства, что она позволяет очень точно передавать язык, в том числе даже самые сложные и отвлеченные литературные и научные произведения. Единственно, что неточно передается китайской системой письма, — это произношение слов. Однако для данного периода времени это является даже плюсом. Представители различных диалектов Китая легко понимают друг друга при письме иероглифами именно потому, что иероглифы могут читаться представителями каждого диалекта соответственно диалектному произношению слова, обозначенного иероглифом; с большим трудом понимали бы друг друга представители этих диалектов при звуковом письме, которое точно отражало бы различные произношения слов¹.

Укажем для сравнения, что такой как бы международный характер идеографического письма является одной из причин широкого применения идеографических знаков почти во всех современных науках; так, чисто идеографический характер имеют цифры, алгебраические, химические, астрономические и другие научные обозначения.

С этой точки зрения вызывает возражения итоговая таблица, помещенная в книге М. Коэна и схематизирующая, по словам автора, историю письма; слева направо в этой таблице, указывает М. Коэн, показано прогрессивное развитие письма (стр. 109—110). Недостатком этой таблицы является то, что общесторонняя тенденция раз-

¹ Из всего сказанного не следует делать вывод о нецелесообразности перехода Китая на звуковое письмо. Такой переход в будущем (после распространения и закрепления в народе единого литературного языка), вероятно, произойдет, но не потому, что китайское письмо неточно передает язык, а потому, что оно очень сложно для обучения грамоте.

вития письма (от пиктографии к идеографии, от идеографии к слоговому и затем к буквенно-звуковому письму) принята в качестве мерила оценки прогрессивности отдельных конкретных систем письма. Достаточно указать только, что китайское письмо, согласно этой таблице, считается менее прогрессивным, чем даже древнеегипетское и месопотамское, видимо, только на том основании, что китайское письмо — идеографическое, а в египетском и месопотамском наряду с идеограммами широкое распространение получили также слоговые и звуковые знаки.

Правильно характеризую важнейшие лингвистические закономерности развития письма, М. Коэн почти не связывает их с историей общества. Так, сложный и тесно связанный с историей общества вопрос о времени, путях и причинах возникновения письма М. Коэн почти не рассматривает, если не считать разрозненных упоминаний о том, что «изобретение письма, не отвечая элементарным нуждам человеческой жизни, представляет собой позднее явление в истории человечества» (стр. 7), что возникновению письма предшествовало применение различных видов «неписменных знаков» и что зачаточное пиктографическое письмо возникает преимущественно у охотничьих и рыболовецких племен (стр. 9, 16).

Аналогично этому, в вопросе о причинах перехода к идеографии М. Коэн ограничивается хотя и правильным, но очень общим утверждением, что идеографические системы развиваются из пиктографии «многократно в разных районах и в разные эпохи» и что они возникают «в компактных и стабильных человеческих обществах, имеющих относительно развитую промышленность, активную торговлю и организованное государство, возникают в ответ на нужды городской цивилизации» (стр. 7, 68).

Почти ничего не говорит М. Коэн об общественно-исторических причинах перехода к буквенно-звуковому письму. Согласно М. Коэну, это письмо, будучи единожды создано, получило затем широкое распространение в связи с экспансией «мировых» религий, с коммерческими связями и т. д. (стр. 70, 109). Утверждение это, даже несмотря на его общий характер, все же очень спорно. Во-первых, буквенно-звуковое письмо было создано не единожды, а почти одновременно появилось в двух совершенно разных формах — в форме клинообразного угаритского и в форме линейного финикийского алфавита. Во-вторых, почти одновременное возникновение двух графически совершенно разных алфавитов, причем возникновение их у самого торгового народа Средиземноморья, позволяет сделать вывод, что основной причиной возникновения этого письма были нужды развивающейся торговли, для которой было необходимо наиболее простое и общедоступное письмо.

История отдельных систем письма рассматривается М. Коэном тоже преимущественно в лингвистическом плане. Хотя разбору почти каждой системы письма в работе предпослана краткая характеристика общественных условий, в которых возникла и развивалась эта система, однако характеристика эта, давая читателю некоторые важнейшие географические, этнографические и исторические сведения, как правило, почти не объясняет особенностей данной системы письма.

Наиболее интересно и полно излагаются М. Коэном вопросы о связях, соединяющих особенности письма народов Средиземноморья, Передней и Центральной Азии с особенностями их языков. Разделы книги, посвященные египетскому, месопотамскому, финикийскому, греческому и латинскому письму, несмотря на их краткость, написаны содержательно и интересно. Случаи заимствования письма одним народом у другого (например, греками у финикийцев или аккадцами у шумеров) М. Коэн рассматривает вместе с теми изменениями, которые одновременно претерпевает при этом заимствованное письмо; изменения в письме, происходящие в случае его заимствования, М. Коэн правильно объясняет необходимостью приспособления заимствованного письма (например, финикийского) к передаче своеобразных особенностей нового языка (например, греческого). Интересные подробности сообщает М. Коэн и о системах письма народов Центральной Америки,

Упущением работы, возможно связанным с научно-популярным ее характером, является отсутствие в ней анализа взглядов других авторов на исследуемые М. Коэном вопросы. Этот недостаток особенно ощущается при изложении таких сложных и спорных

вопросов, как происхождение финикийского письма. М. Козн ограничивается здесь двумя осторожными предположениями: клинообразный угаритский и линейный финикийский алфавиты, возможно, происходят от одного общего прототипа, и финикийцы «не могли не знать фонетических элементов в неудобных системах письма, египетской и месопотамской, и более развитого использования этих элементов в эгейском письме» (стр. 54, 51). Греческое письмо, согласно М. Козну, несомненно происходит от финикийского; автор не упоминает о гипотезе происхождения греческого письма от критско-минойского (стр. 60).

М. Козн не останавливается на древнейшей доидеографической стадии развития египетского письма, о которой за последние десятилетия наукой накоплен богатый документальный материал. Не ставятся М. Козном и вопросы о причинах относительно раннего появления и развития в египетском письме фонетических знаков; о том, почему шумерское письмо предстает перед нами уже в самых древнейших своих памятниках как идеографическая система, почти без пережитков пиктографии; почему в этом письме позднее, чем в египетском, появляются фонетические знаки.

К сожалению, М. Козн не останавливается также и на общих причинах развития и закрепления у ряда народов (Крит, Индия, Япония, отчасти Корея и др.) слогового письма (стр. 48).

Спорна характеристика, даваемая М. Козном китайскому письму. Правильно отмечая, что китайское письмо сочетает идеограммы (в узком смысле этого термина) с фонограммами (знаками, обозначающими слова со стороны их звучания и построенными на основе широко представленной в китайском языке омонимии), М. Козн выдвигает далее очень спорное утверждение, что фонетизм китайского письма имеет «слоговой характер», что китайские фонетические иероглифы во многих случаях являются знаками не слов, а слогов (стр. 26). В основе этого утверждения лежит спорное понимание автором однослоговых китайских слов как слогов.

Вызывает возражения раздел книги М. Козна, посвященный славянскому, в том числе русскому, письму. Согласно М. Козну, славяне получили письмо от греков «вместе с христианством только в IX в., во времена деятельности Кирилла и Мефодия»; при этом греческое письмо «дважды послужило моделью для славянского»: в строчной его форме для письма, названного глаголицей, а позже в прописной форме для письма, названного кириллицей и вытеснявшего впоследствии глаголицу (стр. 28). Излагая эту теорию происхождения кириллицы и глаголицы, М. Козн не упоминает ни о возражениях, которые она вызывает, ни о других противостоящих ей теориях. В результате исключительно сложный и в значительной мере еще нерешенный вопрос о происхождении кириллицы и глаголицы упрощается. Обходит М. Козн также и многочисленные доказательства существования у славян письменности в докирилловскую эпоху.

Очень интересна помещенная М. Козном в его книге карта распространения различных систем письма в современном мире (стр. 77—78). В этой карте есть кое-что спорное. Так, М. Козн японское письмо обозначает как разновидность китайского, между тем слоговое японское письмо (кана) принципиально отлочно от идеографического китайского письма именно тем, что оно является слоговым, хотя графически ведет свое происхождение от последнего. Неизвестно М. Козну и о переходе письма Монгольской Народной Республики на русскую графическую основу.

Интересны разделы книги, посвященные общим вопросам орфографии, графики письма, а также цифровым, алгебраическим и музыкальным знакам. Обычно в работах по всеобщей истории письма такие разделы или полностью отсутствуют, или излагаются очень общо. М. Козн, несмотря на сравнительно небольшой объем своей работы, посвящает этим вопросам несколько разделов книги и выдвигает ряд интересных оригинальных положений. В лингвистическом отношении особый интерес представляет раздел книги об общих орфографических закономерностях.

Интересен также раздел книги, посвященный анализу исторических изменений в применении письма, которые были вызваны сперва появлением книги, книгопечатания и газеты (расширение областей применения письма), а затем — изобретени-

ем телефона, звукозаписи, патефона, радио, звукового кино и других, отличных от письма способов закрепления и передачи речи, частично вытесняющих письмо из прежних областей его применения.

В целом книга М. Козна, несмотря на ее краткость и конспективность, оригинально и по-новому ставит многие общие вопросы истории письма. Поэтому она представляет несомненный интерес не только для широкого читателя, но и специалиста. Следует пожелать скорейшего выхода в свет другой, капитальной работы М. Козна на эту же тему — монографии «Великое изобретение письма и его эволюция», о подготовке которой автор сообщает в предисловии к этой книге.

В. А. Истрин

F. ALTHEIM, Niedergang der Alten Welt, тт. I—II, Frankfurt am Main, 1953.

Ф. Альтгейм является одним из крупнейших буржуазных историков древнего Рима. Первоначально центр интересов Альтгейма лежал в области ранней римской истории. Одна из первых его работ — «История римской религии»¹ состоит из очерков, некоторые из которых представляют определенный научный интерес. Положительную в целом оценку получил очерк «Lex sacra», вышедший впоследствии отдельным изданием². В этом очерке автор выдвигает новый взгляд на происхождение плебейской организации. В работе «Италия и Рим»³ Альтгейм изучает историю Рима в тесной связи с историей внеримской Италии, что позволило ему дать подчас новое и свежее толкование отдельных вопросов истории раннего Рима. Альтгейм в этой работе, как это вообще характерно для него, стремится использовать материал новейших археологических раскопок и одновременно данные языка по новым диалектологическим латинским надписям VI—V вв., однако нельзя не обратить внимания на то, что он трактует новые данные главным образом в узком аспекте одной лишь проблемы заселения Италии «индогерманцами».

В последнее время работы Альтгейма, в том числе и рецензируемая нами, подверглись уничтожающей критике со стороны его западногерманских, английских и американских коллег⁴. Читая рецензии Латте, Кеннига и Уэльса и не зная самих работ Альтгейма можно составить себе ошибочное представление об их авторе, как о человеке, черпающем материал из вторых рук и чуть ли не невежде. Подобная резкая критика трудов Альтгейма во многом объясняется не только действительными недостатками и фактическими ошибками, а склонностью автора к широким обобщениям, которые претят современной буржуазной науке. В военные и послевоенные годы интересы Альтгейма, как и многих других западногерманских историков, перенеслись в сферу Поздней римской империи. События ее истории стали рассматриваться под углом зрения современной ситуации; в падении гитлеровского рейха видели аналогию крушению Римской империи. Среди работ по истории Поздней империи труд Альтгейма занимает особое место как по своему объему, так и по некоторой новизне своего материала. Его нельзя поставить в один ряд ни с откровенно фашистскими статьями Аубина, поме-

¹ F. Altheim, *Römische Religionsgeschichte* I—II, B. 1931.

² ВДИ, 1947, № 1, рецензия проф. С. Л. Утченко.

³ F. Altheim, *Italien und Rom*, I—II, Lpz, 1941. I том «*Römische Geschichte*» F. am M. 1951 г. представляет собой незначительную переработку I тома *Italien und Rom*.

⁴ Gnomon, т. 26 тетр. 1, 1954, стр. 15—23; тетр. 7, стр. 476—480.